

Homo mobilis

Гуманитарий с легкостью признает естественнонаучный постулат о движении как способе существования материи, но с той же легкостью не замечает движения в истории или не придает ему основополагающего смысла. Отчасти это связано с тем, что динамика обнаруживается так много — в людях, народах, религиях, мыслях самого историка, — что учет ее форм и проявлений кажется невозможным. Историк вынужденно мыслит стоп-кадрами, предпочитая хаосу движений прикрепленные к осям пространства и времени события-факты. История никогда не останавливается, но в сознании историка она всегда остановлена.

История написана в статике — в позе летописца, глаголами совершенного вида. В какой-то мере вся классическая наука закреплена на статичной точке опоры и в любом неравновесии ищет покоя, от неясности и неразрешенности стремится к выводу и итогу. Впрочем, не науки, а особенности человеческой памяти и психики повинны в том, что динамические события отображаются статично. Человек не производит итогов, он производит действия, которые в определенном свете выглядят свершившимися фактами. Понятие итога знакомо истории только со слов историка.

В поиске научного толкования движения заложен парадокс: для его фиксации необходима хотя бы мгновенная остановка, и в этот миг описываемая сцена всеми своими деталями соответствует реальной картине, за исключением одной характеристики — собственно состояния движения. Остановка движения, вплоть до разрыва человеческой жизни между разными эпохами, представляется допустимой абстракцией. Более того, реальные движения намеренно замещаются в историческом тексте динамикой мысли историка, рисующей сдвиги состояний обществ и культур, фазы материального и социального прогресса, подъемы и спады производства, успехи национальных и конфессиональных движений.

Оседлое мирозерцание сложилось относительно недавно, с появлением в неолите городов, государств и крепостных стен, когда человек впервые остановился. Прежде, как подсказывают свидетельства праистории, люди и их предки были заметно мобильнее. Судя по костям стопы обнаруженных в Олдувайском ущелье *Homo habilis*, предчеловек был склонен больше бегать, чем ходить¹. Таким образом, режим постоянного кочевания был не следствием поздней адаптации или культурной специализации, а исходным состоянием людей. За истекшие с тех пор два миллиона лет человек заметно успокоился и стал сегодня скорее сидящим и лежащим, чем прямоходящим.

Высокую подвижность древнего человека следует воспринимать не как экзотику или метафору, а как факт, относящийся к разряду знаний, названных В.И. Вернадским научным аппаратом эмпирических обобщений. Если все же использовать метафору, то этот факт можно считать

опорным или толчковым для организации других фактов. Движения в своих сплетениях образуют живую ткань истории — ткань-процесс, а не ткань-изделие. И в метафизической паре материя—движение возможна перестановка, при которой материя оказывается свойством/формой движения. Особенно адекватен этот сдвиг акцентов в толковании жизни как движения. Допустим он и в истории, но при почти невыполнимом условии — превращении сидячего историка в бродячего.

Речь идет не о рокировке крайностей, а о дополнении статики динамикой, о возвращении в историю-науку выпавших из нее систем движения. В поиске удобного инструментария проще всего обратиться к феномену кочевничества и антропологии движения. Впрочем, в антропологии динамика и статика тоже толкуются противоречиво: в эволюционистском ключе как изменчивость и консерватизм, в антропогеографическом — как миграционизм и автохтонизм. В обоих измерениях выражается скорее ход исследовательской мысли, чем реальная мобильность. Антропология движения должна быть обращена к жизненной динамике; возможно, ресурсы развивающейся визуальной культуры, наряду с освежением словесно-текстовых практик, дадут ключ к объемному и живому восприятию и толкованию движения.

Языки оседлых цивилизаций беднее лексикой физической динамики, чем «варварские». За нехваткой пригодных терминов в науке приходится, наряду с понятием *Homo mobilis*, использовать в том же значении слово «кочевник», хотя речь идет не всегда о номадизме как социокультурной формации. В упрощенном виде *Homo mobilis*, или кочевник, есть человек, для натуры/культуры которого исходным и устойчивым является состояние движения, а не оседлого покоя.

Мобильность была залогом первых триумфов *Homo* как вида, в том числе при колонизации Старого Света (с юга на север) и Нового (с севера на юг). Пространственно громадные культуры каменного века существовали благодаря постоянной коммуникации — не разовой миграции и даже не серии миграций, а движению как системе, в которой импульсы расселения и локальной адаптации сочетались с поразительной контактностью, сохранившей единство вида.

С неолитической революции баланс динамики и статики принял вид соотношения кочевничества и оседлости. При этом «количество движения» осталось прежним: насколько оседлые жители уступали в подвижности бродячим охотникам, настолько кочевники их превосходили. Необыкновенная мобильность кочевников стала не только их главным оружием, но и промыслом, идеологией, модой. Когда оседлые авторы, китайские или римские, пишут о бездомности и дикости кочевников, они выражают идеалы статики. В проекции динамики кочевники с бронзового века выступали политической элитой Евразии, контролируя огромные пространства и связывая оседлые сообщества в так называемые кочевые империи. Оседлые культуры рассматривались ими как своего рода уголья для пастыбы земледельцев или охоты на них. Городские ци-

68

визации южной Евразии впитывали в себя мощь кочевников, успешно искушая их благами оседлости. Но как только отяжелевшие от яств, гаремов и чиновников кочевые ханы и короли оседали во дворцах и крепостях, из степей или морей надвигались новые орды охотников разбойников. Часто экс-кочевники были в южных государствах главной военной силой для отражения очередных варварских набегов, и по существу лейтмотивом геополитической истории эпохи металла была дуэль кочевников с кочевниками.

Поздние образцы организации пространства движением характерны для геополитики средневековья. Карл Великий покорял земли к северу и востоку от Парижа преимущественно силами конницы; как пишут анналисты, он ни одного лета не провел «без врагов» и сам не сходил с коня². В седле прошла жизнь Чингис-хана, и знаменитый афоризм китайца Елюя Чуцая о том, что на коне можно завоевать империю, но не управлять ею, приводит в восторг только поклонников статики. Опыт степных кочевников не оставляет сомнения в том, что без хана в седле и постоянного военного промысла кочевая империя рассыпается. Типично оседлая логика звучит в объяснениях историками неудач кочевников тем, что они-де уставали от изматывающих военных походов; на самом деле кочевник устает только от покоя, а силы набирается в походах и войнах.

Номо мобилис оставался ключевой фигурой геополитики до позднего средневековья, когда последние кочевые вулканы угасли под прессом военных технологий и политико-религиозных идеологий. История-наука унаследовала от иноков-летописцев неприязнь к кочевникам, и историки до сих пор смакуют мгновения триумфа, когда в XVIII в. цивилизации Китая, России, Индии и Ирана положили долгожданный конец могуществу кочевого мира. Для Ф. Броделя, например, номад — социальный паразит, «исторический абсурд»³, с которым следует расправляться силами историографии так же решительно, как с язычеством перед лицом неизбежного торжества «высокой религии».

История рассталась с кочевниками, так и не сумев их толком понять и описать. Оседлая культура иначе, чем кочевая, осваивает пространство, прокладывает дороги, видит мир. Даже самые масштабные движения, включая «великие переселения», в истории обычно передаются серией сменяющих друг друга статичных оттисков событий. Кочевник интересен историку не на просторе степей, а под стенами осажденного города, воин — не в пылу битвы, а в позе побежденного или победителя. Для оседлого историка крупное передвижение — эксцесс, разрыв событийной ткани, а кочевой народ — историческое антитело, бич божий.

В отличие от юга Евразии, где преобладали оседлые сообщества, на севере развивались культуры больших пространств и высокой мобильности. Вся северная Евразия — кочующая, она сложилась из подвижных народов, различающихся стилем и размахом миграций. Все северные народы неоднократно испытали подъемы и спады мобильности, и пики их

геополитической активности соответствовали миграционным бумагам, походам, исходам.

В исторической антропологии Евразии одной из основных категорий выступает «путь». Для оседлого сознания путь как преодоление расстояния — инобытие или подвиг, для кочевой культуры — смысл и основа обыденности. В прошлом на севере Евразии путь как система движения и жизнедеятельности нередко приобретал вид народа (этнического тела), как в случае с самоедами, или государства (политического тела), как в практике викингов.

В наши дни *Nomo mobilis* представляется уже не резвым архантропом или стремительным кочевником, а оседлым менеджером с мобильным телефоном. Бурное развитие средств коммуникации (как транспорта, так и информации), будучи проекцией врожденной мобильности человека, существенно снизили его физическую подвижность. На наших глазах реальное движение замещается виртуальным, и даже геополитика сменила седло на компьютерное кресло.

Впрочем, движение, как и прежде, не убывает в количестве, а лишь меняет формы и стили. Чем меньше человек физически движется, тем более он пристрастен к динамике в искусстве (особенно кинематографе), спорте и развлечениях. Чем больше он сидит и лежит, тем острее жаждет гонок на экране. Скорее инстинктивно, чем рационально, он дополняет статичные будни динамичным досугом. Фундаментальное естество человеческой природы проявляется во множестве поведенческих деталей, от непоседливости детей до туристской одержимости состоятельных пенсионеров. В современном оседлом человеке по-прежнему живет «инстинкт кочевника», побуждающий его отыскивать в мире статики новые варианты поведенческой динамики.

¹ *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977. С. 51.

² *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 55.

³ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 112.

ГРИГОРЬЕВ С.А. (Челябинск)

Исследование металлургического производства Северной Евразии

Исследования в области изучения древнего металлургического производства в нашей стране проводятся достаточно давно. Однако наиболее масштабные работы были начаты в 60-е годы Е.Н. Черныхом, в рамках которых осуществлялись спектрохимические и типологические исследования металла эпохи бронзы¹